

Жорж Санд

Что говорит ручей?

Я был утомлен, когда остановился на берегу журчащего ручья.

Знакомая мне нимфа, которую я часто встречал в лесу и горах, появилась подле меня в сильном раздражении.

— Что делаешь ты тут, так близко от моего источника, и откуда взялась у тебя смелость слушать вещи, которые говорятся не для тебя?

— Я не знаю языка ручья, прелестная подруга, следовательно, я не могу повторить...

— Я этому ничуть не верю. Все вы, мечтатели, невыносимо любопытны. Вас так и подмывает отгадать наши тайны, и вы объясняете их вкривь и вкось. Уходи отсюда! Тебе нечего делать в моем саду и на моем лугу!

— Потерпи меня здесь минутку; я устал, а твой дикий овраг красивее, чем все творения рук человеческих.

— Остерегайся! — произнесла она снова. — Ваша поэтическая томность несколько меня не трогает, и я предупреждаю тебя, что если ты будешь упорствовать, то ты можешь в этом сильно раскаяться.

Ворчливая нимфа исчезла, а я, вовсе не считая

ее злой, беспечно остался на ее земле.

Нужно вам сказать, что трудно было встретить более красивый ручей. Узкий, как веретено, и светлый, как бриллиант, он появлялся неожиданно из кустарников, на прелестной куще белой буквицы, и, падая совершенно прямо со скалы на скалу, скрывался под слегка наклоненным, поросшим мхом камнем, откуда появлялся, пенясь, и быстро катился по тонкому, песочному ложу, которое бесшумно приводило его к красивой реке.

Да, Крѣза, быть может, красивейшая река в мире в апреле месяце, в этом местечке. Она рисует большие, неподвижные и прозрачные изгибы в высоких перерезах, спускающихся амфитеатром и декорированных вечной зеленью кустарников. На далеком расстоянии один от другого встречает она утесы и скалистые уступы, черные и острые, у которых она ревет и мчитя дальше. В том месте, где я находился, она не говорила ни слова, и ее отдаленный сильный шум не мешал мне слушать лепет маленького ручейка.

Красивые дубы, занятые развертыванием и медленным распусканием на солнце своих молодых, еще липких и еще скорее розовых, чем зеленых листьев, давали уже легкую тень. Грунт был, в буквальном смысле слова, усеян бельцами, белыми и голубыми фиалками, морскими дуками, баданом и гиацинтами. У ложа ручья луговая

жеруха привлекала лазоревых бабочек. Всюду на гранитных скалах плющ рисовал таинственные арабески, и большие, дикие вишневые деревья, все в цвету, усыпали своими белоснежными лепестками маленькие излучины текущей воды.

Но, в действительности, что же говорил этот болтун ручей, такой веселый, такой торопливый, так резво бегущий по своему мшистому ложу? Он очень мало заботился о том, слышат его или нет, и не во власти его нимфы было заставить его умолкнуть на одну минуту, хотя бы подле него говорились самые блестящие речи. У него было слишком много других дел! Он падал и падал, он бежал и бежал, но в особенности, — и мне казалось, что это-то и есть работа, предназначенная ему Провидением, — он говорил и говорил, он говорил, не переставая.

— Ба, — сказал мне Лотарио, присоединившись ко мне и застав меня прислушивающимся, — он журчит, он звучит, он шепчет, как говорят поэты, но он вовсе не говорит. Ты можешь поддаваться пылкости твоего воображения, но я клянусь тебе, что он ровно ничего не говорит.

Я не смел доверить Лотарио появление нимфы; я боялся, что он будет смеяться надо мной. Он путешествовал, как натуралист, и изучение реальных вещей было также целью и моей

прогулки, но от меня не зависело, чтобы меня не посещали видения и время от времени смущали фантастические духи, которые никак не хотят покинуть бедняка-поэта.

— Я в свою очередь также клянусь тебе, — сказал я ему, — что этот ручей поет не случайно. Мы, глухие, желающие корчить из себя умных людей, и мы говорим о голосах природы так же, как слепые говорят о красках. Если бы мы были немножко поумнее и обладали большим терпением, то мы кончили бы тем, что поняли бы, что говорит эта струйка воды.

— Подожди! — возразил Лотарио. — Хочешь, я заставлю ее говорить совсем иное, чем то, что тебе кажется, будто ты слышишь? Я согласен с тобою в том, что у этого ручья очень красивый голос и что он как будто произносит довольно отдельные и разнообразные слоги; но я приподниму этот большой камень, разворочу булыжники, которые он от нас скрывает, и ты увидишь, что твой ручей потеряет голос или запоет совсем иной мотив.

— Это предложение наполняет меня ужасом, — вскричал я, — и я запрещаю тебе дотрагиваться до этого голоса!

— Глупец! — возразил Лотарио, — Инструмент не есть голос! Ты принимаешь причину за следствие.

— Сам ты глупец! — сказал я ему. — Не хочешь ли, чтобы я открыл твою гортань, вырвал из нее органы звука или выбил твои зубы, чтобы я удалил твой язык и предоставил тебе этим делать отвратительные гримасы или глухие звуки вместо ясных, членораздельных? Что бы я тогда сделал? Я разрушил бы в тебе самый прекрасный инструмент создания и следствие вместе с причиной, причину вместе со следствием, глагол, *logos*, Бога, явленного посредством уст человека.

— Успокойся, — произнес Лотарио, — Право, мой бедный Теодор, ты сегодня городишь исключительный вздор, и я хочу тебе доказать твою глупость.

Он сел на мох и заговорил так:

— В земном творении, которое (я с этим соглашаюсь) есть дело божественного ума, существуют не одни причины и следствия. Есть третий элемент гармонии или, вернее, сама гармония, то есть соотношение между следствием и причиной. Возьмем лужу и предположим, что она может быть причиной звуков, которые она производит. Возьмем также звуки, произведенные следствием этой причины. Нельзя отрицать, что без руки артиста, заставляющей дрожать струны, лира нема, а причина, которая не может произвести никакого следствия, не есть более причина. Звуки никогда не могут быть ничем иным, как только